

ОТПУСТИТЬ,

чтобы они жили

Иногда любовь —
не в том, чтобы удержать,
а в том, чтобы отпустить.
Даже если это
разрывает сердце.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

DREAM DEBIT

DREAM DEBIT

Отпустить чтобы они жили

<https://litres.ru/74251117>

SelfPub; 2026

Аннотация

В старом, пропитанном сыростью доме, где плесень жадно пожирает стены, а пол прогнил до чёрных балок, тикают часы. Их тихий бой — единственный звук, который ещё остаётся в этой могиле из дерева и воспоминаний.

На продавленной кровати лежит двадцативосьмилетний парень. Его грудь поднимается всё реже, сердце бьётся слабо и неуверенно, словно уже готово сдаться. Комната пропитана запахом старого табака, разлитого спирта и разбитого стекла — обломками той жизни, которую он так и не смог собрать.

За приоткрытой дверью, в коридоре, отчаянно мяукают два кота — мальчик и девочка. Они трутся о его холодеющие ноги, толкают мордочками в руку, кричат так, будто понимают: их человек уходит. Их единственный друг. Их отец. Их весь мир.

Капли дождя бьют по крыше всё громче, словно пытаются заглушить приближающийся гул сирены скорой. Но время уже вышло.

Парень делает последний, слабый вдох... и закрывает глаза.

Содержание

Плог	4
Глава 1	7

DREAM DEBIT

Отпустить чтобы они жили

Плог

В городе у моря, где холодный солёный ветер всегда задувал под тонкую одежду и приносил с собой мелкие колючие капли, стоял старый порт. Запах гниющей рыбы, которую выгружали тоннами каждый день, пропитывал всё вокруг. Он въедался в стены домов, в кору деревьев, в кожу рук, в волосы. Даже когда закрываешь окна — этот запах всё равно был внутри.

В самом центре этого умирающего города стояла старая кирпичная хрущёвка. Штукатурка на стенах давно осыпалась, обнажив чёрный грибок, который медленно пожирал здание изнутри. Лестница между этажами прогнила насквозь. Старое мокрое дерево скрипело и прогибалось под ногами, а между четвёртым и пятым этажом уже несколько лет зияла опасная щель. В подъезде вечно воняло сигаретным дымом, дешёвым алкоголем и мочой. Этот запах никогда не выветривался.

На пятом этаже, в самой крайней квартире, на старой продавленной кровати с дырявым матрасом, пропитанным потом и пылью, сидел парень. Двадцать восемь лет.

Он устроился за небольшим столом, который купил в кредит. Новый стол резко и неуместно пах свежей берёзой и химией обивки — этот запах был единственным светлым пятном в комнате. Сам он сидел на старом скрипучем стуле, спинка которого уже начала гнить. В руках он держал мятый листок и ручку. Пальцы дрожали.

Он пытался написать записку родителям. Но слова не шли.

За окном была ночь. Полуразбитое стекло едва держалось в раме. В комнате пахло старым табаком, плесенью, несвежей едой и чем-то кислым. На кухне стоял ржавый газовый баллон, который постоянно травил квартиру. Чайник на плите свистел уже третий раз за вечер. Парень тяжело поднялся, выключил горелку, закрутил вентиль и налил себе кипяток в грязную кружку, которую не мыл уже несколько недель. Бросил туда старую, высохшую заварку и вернулся за стол.

Он думал о новой работе на стройке. Класть кирпич. Таскать раствор. Ломать спину за копейки. Пересчитывал в голове каждую копейку. Никотин, алкоголь, энергетики и кофе — всё это съедало большую часть денег. Хватит ли на первый месяц в новой квартире? А потом снова экономия. Снова выживание.

Тяжёлый, протяжный вздох вырвался из груди. Он вышел на балкон, дверь которого уже давно не закрывалась. Достал из помятой пачки жёлто-чёрную сигарету, чиркнул зажигалкой. Первый же вдох вызвал сильный, раздирающий кашель.

Грудь сжало так, будто внутри что-то рвалось. Он согнулся, едва не выронив сигарету, и долго кашлял, сплёвывая на пол.

Вернувшись в комнату, он тяжело опустился на кровать. Снял грязные кроссовки. Лёг, уставившись в потрескавшийся потолок.

«Чёрт... Мне двадцать восемь лет. А я живу как бездомный у мусорных баков.»

Он взял телефон и начал бесцельно листать ленту. Глаза скользили по экрану, не видя ничего. Пока не наткнулся на объявление:

«Отдам кота. Мальчик. Полтора месяца. В хорошие руки. Недорого.»

Что-то внутри него тогда щёлкнуло. Тихо. Почти незаметно.

Но именно с этого момента всё и началось.

Глава 1

Не помню, когда это началось.

Наверное, ещё во дворе, когда я завидовал друзьям с новыми велосипедами, приставками, телефонами. Я хотел то же самое. Хотел так сильно, что обида на родителей затмевала разум. В те годы я искренне верил: счастье — в деньгах. И, возможно, тогда я был прав. Мы все были молоды и глупы. Я был самым активным среди них, и с каждым годом всё сильнее пытался понять: в чём моя вина? Почему именно я не могу получить новые вещи и технику? Эти мысли медленно разъедали меня изнутри, как ржавчина разъедает старый металл.

Когда живёшь в маленьком городе, где все друг друга знают, а слухи разносятся быстрее самой дорогой машины, рано или поздно начинаешь задумываться: может, стоит хоть что-то изменить? Хоть что-то маленькое.

Но годы шли, а я так и оставался на том же месте.

Как сейчас помню: школа, девятый класс, мне восемнадцать. Я сижу на алгебре, тупо смотрю в тетрадь, пытаюсь решить уравнение. Цифры пляшут, ничего не лезет в голову. Потому что голова, сердце и душа были заняты совсем другим.

Она.

Девушка на вид лет девятнадцати. Волосы — как солнце

в тёплый летний день, когда оно уже клонится к закату. Глаза — два ярко-зелёных рубина, в которые хотелось смотреть бесконечно. Носик тонкий, почти игрушечный, как зелёный горошек. Губы ярко-красные, как спелая вишня на старом дереве в заброшенном саду — том самом, которое уже почти засохло от недостатка дождя и человеческого внимания. На самых верхних, тонких, еле живых веточках ещё держались ярко-зелёные листики, готовые сорваться и улететь в белое-голубое небо.

Её талия была тоньше ствола того дерева. На ней — тонкое, почти прозрачное красное платье, которое облегалo фигуру так, будто само знало, как подчеркнуть каждое движение. Белые ноги то сгибались, то разгибались. А голос... тихий, тонкий, чуть хриловатый, от которого внутри всё сжималось.

Я смотрел без злых мыслей. Просто хотел подойти, постоять рядом, хоть раз услышать, как она скажет моё имя. Но так и не смог. Оправдывал себя: ещё рано, не то время, не тот год.

Школа закончилась. Мы выпустились.

А я остался летать в своих мечтах о ней.

Прошло уже пять лет.

Я сидел за старым ноутбуком в нашем покосившемся доме на краю деревни. Дом давно пропах сыростью и пылью. Крыша местами текла, стены покрылись тёмными пятнами. Я листал объявления, открывал сайт техникума, снова и сно-

ва. Внутри всё ещё спорил второй голос: «Иди уже работать, приведи себя в порядок».

Мои сухие чёрные волосы отросли так, что без зачёса набок я почти ничего не видел. Выглядел я жалко — как вечный отличник-подлиза, которого все сторонятся. Одежда пропахла сыростью и чем-то гнилым. Лицо... будто я только что сбежал из психушки.

В сотый раз я открывал страницу техникума. Нашёл более-менее нормальный вариант — красное кирпичное четырёхэтажное здание. Медленно, почти механически водил мышкой и заполнял заявку: имя, фамилия, отчество, дата рождения. Нажал «отправить». Откинулся на спинку стула и закрыл глаза.

До сих пор представляю её.

Чёрт. Прошло пять лет, а я, жалкий идиот, всё ещё думаю, что она может стать моей. Я даже свадьбу в голове распланировал. Где будем жить. Как назовём детей.

Я поднялся, подошёл к старому шкафу, который уже сыпался от времени. Потянул за ручку. Достал чёрную коробку с белым бантиком. Разрезал скотч. Внутри — её фотография, пачка презервативов и несколько листков со стихами. И один, самый главный — с именами наших нерождённых детей.

Я хотел мальчика и девочку. Простые имена. Мальчика — Вионтель Андрей Викторович. Девочку — Милина Надежда Михайловна.

На губах появилась слабая улыбка.

А из глаз потекли слёзы.

Я положил всё обратно, взял сырые спички и вышел за дом. Поставил коробку на голую, вытопанную землю. Подложил сухие веточки. Первая спичка сломалась. Вторая погасла от ветра. Третья... зажглась.

Пламя медленно принялось за бумагу, потом за картон. Через несколько минут костёр уже нельзя было остановить. Я стоял и смотрел, как пять лет боли и глупых надежд превращаются в пепел. В глазах отражался огонь.

Достал помятую сигарету, чиркнул мокрой зажигалкой. Затянулся глубоко, впервые за долгое время по-настоящему. Курил медленно, глядя, как всё догорает. Потом повернулся и посмотрел на старые дома деревни. Смеркалось быстро.

Я затушил костёр водой, засыпал землёй и тихо сказал:

— Прощай, моя первая любовь. И, скорее всего, единственная.

Вернулся в дом. Не стал есть. Просто выпил воды и лёг на кровать, скинув вонючую одежду. Закрыв глаза. Думал о завтрашнем дне.

А тихий ветерок и далёкое пение совы уносили меня в сон.

В доме тихо тикали старые часы.